

УДК 749.1

ББК 85.128

Кочеткова Анастасия Дмитриевна

Искусствовед, соискатель, кафедра истории отечественного искусства, исторический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1
ORCID ID: 0000-0002-7178-1188
anast.mastyukova@yandex.ru

Ключевые слова: Япония, декоративно-прикладное искусство, мебель, шинуазри, XVIII век, эпоха классицизма, убранство интерьера, русская усадьба, Кусково

Кочеткова Анастасия Дмитриевна

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века. На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2025-4-384-411

Для цит.: Кочеткова А.Д. Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века. На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых // *Художественная культура*. 2025. № 4. С. 384-411. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2025-4-384-411>.

For cit.: Kochetkova A.D. Japanese Export Furniture in the Russian Interior Ensemble of the 18th Century. On the Example of the Cabinets from the Counts Sheremetev Collection. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2025, no. 4, pp. 384-411. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2025-4-384-411>. (In Russian)

Kochetkova Anastasia D.

Art Historian, PhD Applicant, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, M.V. Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
ORCID ID: 0000-0002-7178-1188
anast.mastyukova@yandex.ru

Keywords: Japan, decorative arts, furniture, chinoiserie, 18th century, Classicism, interior decoration, Russian country estate, Kuskovo

Kochetkova Anastasia D.

Japanese Export Furniture in the Russian Interior Ensemble of the 18th Century. On the Example of the Cabinets from the Counts Sheremetev Collection

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.
На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

Аннотация. В статье раскрывается роль японской лаковой мебели в предметно-пространственной среде отечественного интерьера второй половины XVIII века, отмеченной неугасающим интересом к феномену *chinoiserie*. На примере парных кабинетов из коллекции графов Шереметевых рассмотрены основные художественные особенности японских экспортных изделий в «живописном стиле», высоко ценившихся представителями российской аристократии. В результате изучения внушительного корпуса архивных источников показано, как менялось отношение владельцев к японским лакам на протяжении всего XVIII столетия. Эти уникальные изделия были причислены современниками к редким «кунштюкам»: поначалу они занимали почетное место в структуре дворянских кунсткамер, а затем послужили важными элементами внутреннего убранства парковых павильонов. Речь в данном случае идет о становлении культурного плюрализма и, как следствие, о неподдельном интересе к далекому и таинственному Востоку. В связи с этим предлагается рассматривать предметы японской лаковой мебели, до сих пор считавшиеся в известной степени утилитарными, как самоценные объекты коллекционирования эпохи Просвещения.

Abstract. The article reveals the role of Japanese lacquer furniture in the object-spatial environment of the Russian interior in the second half of the 18th century, marked by an interest in the *chinoiserie* phenomenon. Using the example of paired cabinets from the collection of the Counts Sheremetev, the author considers the main artistic features of Japanese export products in the 'picturesque style', highly appreciated by representatives of the Russian aristocracy. The study of a significant number of archival sources shows how the owners' attitude towards Japanese lacquerware changed throughout the 18th century. The unique items were seen as rare 'kunstukes': at first, they occupied an honourable place in the structure of the noble *kunstkamera*, and then served as important elements of the interior decoration of park pavilions. This refers to the formation of cultural pluralism and, as a result, a genuine interest in the distant and mysterious East. In this regard, it is proposed to consider the objects of Japanese lacquer furniture, which were previously thought to be fairly utilitarian, as valuable collectibles of the Enlightenment era.

Введение

Лаковую мебель японского производства, изготовлявшуюся специально для экспорта на европейский рынок, пожалуй, можно справедливо причислить к одним из наиболее самобытных явлений в истории декоративно-прикладного искусства XVII–XVIII веков. Эти изделия отличались непревзойденным качеством исполнения в сравнении с продукцией других восточноазиатских стран, ввиду чего именно творческая манера японских мастеров во многом явилась бесспорным эталоном при создании европейских имитаций: неслучайно общепризнанные достоинства японских лаков нашли отражение в этимологии термина «japanning» (рус. «под Японию»), коим обозначались новоизобретенные современниками техники лакирования [Stalker, Parker, 1688].

Научный интерес к дальневосточным влияниям на европейское искусство зародился еще в XIX веке, сохраняя устойчивые позиции и поныне, — ярким тому свидетельством служат многочисленные публикации, тематические конференции и выставочные проекты последних десятилетий. Основные художественные особенности японской мебели, если говорить об экспортных изделиях эпохи Эдо (1603–1868), систематически изучались главным образом западноевропейскими исследователями. Отечественных ученых до сих пор занимал преимущественно японский фарфор и керамика этого периода, технология изготовления лаков и методика их реставрации, а также вопросы сугубо теоретического характера. С искусствоведческой точки зрения конкретные предметы ранней японской экспортной мебели из российских собраний рассматривались эпизодически, лишь в единичных случаях становясь объектами специальных исследований.

Японская экспортная мебель изучалась преимущественно петербургскими исследователями. Одними из первых в этом направлении стали работы В. Т. Дашкевич, содержащие обзор лаковых изделий из собрания Государственного Эрмитажа [Дашкевич, 1972, с. 33–37]. Вскоре увидела свет комплексная монография о дворце Меншикова, авторы которой ввели в научный оборот японскую мебель знаменитого сподвижника Петра I [Калязина, Дорофеева, Михайлов, 1986, с. 207–208]. Говоря о публикациях последних десятилетий, следует прежде всего упомянуть каталог предметов мебели из фондов

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.
На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

Дворцово-паркового ансамбля «Ораниенбаум», где подробно анализируется несколько лаковых кабинетов эпохи Эдо [Коллекция, 2007, с. 44–46]. Периодически экспортная мебель из страны Восходящего солнца фигурирует и на страницах каталогов выставок — среди них необходимо особо выделить издание о восточных коллекциях князей Юсуповых, в котором лаковая мебель впервые рассматривается как неотъемлемая составляющая целостного частного собрания [Мир русского дворянства, 2022, с. 56–61]. Наконец, в этом ряду нельзя не упомянуть и теоретические разработки Е. М. Бровко, посвященные дальневосточной мебели в контексте стилевых проблем [Бровко, 2023].

В настоящее время лаковые изделия эпохи Эдо хранятся в фондах крупнейших музеев страны, однако многие из них по сей день не введены в научный оборот. В связи с этим все еще остается не до конца проясненной степень востребованности японской экспортной мебели среди российского дворянства, представители которого высоко ценили ее художественные качества. Неизбежно возникает и закономерный вопрос об условной дифференциации предметов мебели японского, китайского и европейского производства непосредственно в пространстве интерьера, их роли в семантической структуре целостного ансамбля. Заявленная таким образом проблематика позволяет существенно дополнить представления о феномене шинуазри в русском интерьере, принимая во внимание присущие ему композиционные и декоративные средства.

Японские лаки в составе западноевропейских и российских собраний

Прежде всего кратко остановимся на истории появления японских лаков в Западной Европе и России. Впервые подобные изделия были привезены португальцами в конце XVI века, в период интенсивного культурного и торгового взаимодействия Запада с Японией; речь идет о единичных образцах, потому как поставки лаковой продукции были нерегулярны. Ситуация изменилась во второй трети XVII века, когда торговлю в этом направлении монополизировали голландцы, отныне на европейский рынок ежегодно поступало уже до ста крупных лаковых изделий. Экспортная мебель: массивные сундуки, настольные

кабинеты, всевозможные шкатулки — изготовлялась по специальному заказу в привычных европейских формах, однако же отделялась в традиционных японских техниках. С этого момента японская лаковая мебель, привлекавшая особое внимание знатных заказчиков благодаря высокой прочности и выдающимся художественным качествам, уже была широко известна в Западной Европе. Более того, лаковые изделия ценились, как драгоценности, а потому заняли достойное место в восточных коллекциях европейских правителей и высшей аристократии. Как подчеркивает Н.С. Николаева, «в источниках того времени специально отмечалось, что, когда Катарина Браганца стала женой английского короля Карла II в 1662 году, она привезла с собой среди других редкостей японские лаки. Мадам де Помпадур купила японских лаков на огромную сумму — в сто десять тысяч ливров. Большая коллекция, ныне хранящаяся в Музее Гимэ в Париже, была у Марии Антуанетты» [Николаева, 1996, с. 109].

В XVII веке дальневосточные изделия воспринимались в первую очередь как кунштюки, дававшие европейцам возможность в прямом и переносном смысле слова прикоснуться к далекой и пока еще неизведанной культуре. Позднее, в XVIII столетии, зародилась своеобразная «игра в Восток», более известная под названием «шинуазри» (фр. *chinoiserie* — китайщина). Экзотические образы стали неотъемлемой составляющей искусства рококо, расцвет которого пришелся на 1750-е годы: в это время на художественном пьедестале оказались динамичность, чувственность, театрализация. Синкретическое начало стиля рококо, основанное на взаимовлиянии Востока и Запада, нашло особенно яркое выражение в убранстве интерьера. Апофеозом шинуазри, пожалуй, можно справедливо считать многочисленные лаковые и фарфоровые кабинеты, обустроенные едва ли не в каждом крупном европейском дворце, — здесь размещались обширные коллекции подлинных дальневосточных изделий и их западные имитации.

Нельзя не отметить, что увлечение Востоком сыграло существенную роль в контексте мировоззренческих концепций эпохи Просвещения и, разумеется, в становлении европейского неоклассицизма. По мнению историка архитектуры Д.О. Швидковского, «обращение к иному, далекому наследию могло возникнуть лишь в случае, может быть и не вполне осознанного, но острого недовольства существующим

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.
На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

искусством и, шире, — характером европейской цивилизации того времени» [Швидковский, 2021, с. 394]. Неслучайно в пространстве обширных ландшафтных парков активно возводились всевозможные «китайские» беседки и павильоны, отделанные в соответствии с рекомендациями ведущих архитекторов и декораторов (У. Чемберса, Дж. Халфпенни и др.). Все они были призваны отражать культурное и духовное многообразие изменчивого мира, а вместе с тем и новую систему эстетических ценностей просвещенного общества.

Начиная с XVII века восточная тема прослеживается и в предметно-пространственной среде русского интерьера, главным образом в московских царских резиденциях и боярских домах. Известно, что в убранство дворца в селе Коломенском наряду с прочими предметами мебели входили стол и поставец, «расписанные на китайское дело» [Саверкина, 1992, с. 80]. А, например, в столичном доме В.В. Голицына, видного сторонника европеизации, находились в том числе китайские лаки [Саверкина, 1992, с. 80]. Однако наиболее явственно интерес к дальневосточному искусству все же обозначился на рубеже XVII–XVIII веков, в период петровских преобразований («открытие Востока», как ни парадоксально, происходило на почве «открытия Запада»).

Подлинные восточные изделия произвели глубокое впечатление на Петра I в ходе его пребывания в Англии и Голландии [см.: Демиденко, 2000, с. 80]. Подобного рода «кунштюки» легли в основу собрания петровской Кунсткамеры, первого публичного российского музея. Среди них, в частности, были и «лаковые кабинетцы китайской и японской работы, украшенные пластинами серебра и панциря черепахи» [Рудь, 2016, с. 26], купленные Петром I в 1716 году⁽¹⁾. В то же время, согласно европейской моде, царь-реформатор приобретает целый ряд китайских вещей для обстановки собственных покоев, инициирует создание Лакового кабинета в Монплезире и активно способствует развитию «лакирного дела» в новой столице. Всевозможные лаковые кабинеты, кровати и другие предметы восточной мебели составляли убранство комнат царя в Петергофе, Зимнем и Летнем дворцах. В контексте

(1) Примечательно, что восточная часть коллекции Кунсткамеры будет дополняться японскими и китайскими лаками на протяжении всего XVIII столетия [см.: Летопись Кунсткамеры, 2014, с. 413–414].

художественных предпочтений августейших особ внимания также заслуживает описание свадьбы царевны Екатерины Иоанновны с Карлом Леопольдом Мекленбургским в Данциге: в нем упоминается, что «...брачное ложе находилось в комнате, украшенной в японском вкусе и наполненной японскими лакированными вещами, *каких у русских много* [курсив наш. — А.К.]» [цит. по: Швидковский, 2016, с. 198].

Вскоре новомодное увлечение «китайщиной» проникает и в дворянскую среду, о чем свидетельствует появление как целостных интерьеров в духе шинуазри, так и единичных восточных вещей в знатных домах Петербурга и Москвы. В работах по истории отечественной культуры и искусства XVIII века уже неоднократно фигурировало положение о том, что «особой популярностью... пользовались предметы, расписанные золотом по черному лаку» [Шклярчук, 1990, с. 185]. Обилием мебели восточного происхождения и ее европейских подражаний, в частности, отличалось внутреннее убранство Преображенского дворца петровского сподвижника Ф.Я. Лефортова и многочисленных усадеб А.Д. Меншикова. Если судить по описям имущества высшей аристократии первой половины XVIII века в целом, восточные изделия встречались повсеместно и имели чрезвычайно высокий спрос. Лаковая мебель входила в убранство хором царского денщика А.В. Кикина, московских и петербургских домов известных государственных деятелей А.П. Волынского, А.И. Остермана, М.Г. Головкина, а также представителей влиятельного рода Долгоруковых. Как следует из документов XVIII века, в типологическом отношении⁽²⁾ лаковые изделия представляли собой преимущественно настольные кабинеты с распашными дверками, столы различной конфигурации и рамы для зеркал [Тихонов, 2008, с. 129–232]. Столь же востребованными остаются восточные лаки и во второй половине столетия: мода на шинуазри не просто сохранила свои позиции, но и усилилась в период господства рококо и классицизма.

Тем не менее в ходе работы с такими источниками, как архивные описи, мы невольно сталкиваемся с проблемой терминологии в попытке выявить аутентичные восточные лаки. Подобная трудность объясняется тем, что современники далеко не всегда дифференцировали

(2) Подробнее о типологических характеристиках лаковых изделий см.: [Имреу, 2005].

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.
На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

предметы китайского и японского производства (особенно когда речь идет о составителях хозяйственных документов) [Арапова, 2016, с. 50]. Более того, нередко «китайскими» в документах названы самые разнообразные изделия в стилистике шинуазри, созданные западно-европейскими и русскими мастерами. Ярким тому подтверждением может служить опись московского дома князей Куракиных на Мясницкой от 1766 года, где встречается формулировка «обои китайские русской работы» [Материалы домовой конторы, 1764–1769, л. 206]. При этом пояснения, связанные с точным указанием места производства восточных вещей, являются скорее исключением, нежели правилом. Таким образом, задача идентифицировать ранние японские лаки непосредственно в документах зачастую становится практически невыполнимой. Единственным решением представляется сопоставление сведений архивных материалов с подлинными японскими изделиями, бытовавшими в России в XVII–XVIII веках.

Экспортные кабинеты из коллекции графов Шереметевых. Художественные особенности и история приобретения

С учетом обширного фактологического материала, накопленного несколькими поколениями исследователей, подступиться к рассмотрению вышеназванных вопросов позволяет историческое собрание произведений искусства графов Шереметевых из Государственного дворцово-паркового музея-заповедника «Останкино и Кусково» (Москва). Особое место в нем занимают изделия дальневосточного происхождения, закупавшиеся, судя по всему, в большинстве своем с конца XVII до середины XVIII века. К этой части собрания относятся в основном экспортный фарфор и предметы мебели, среди которых выделяются уникальные лаковые кабинеты японской работы. Внутренний корпус архивных источников дает редкую возможность соотнести эти вещи с определенными интерьерами и выявить их роль в предметно-пространственном контексте ансамбля, а вместе с тем попытаться проследить, как менялось отношение владельцев к японским лакам на протяжении всего XVIII столетия.

Предметы лаковой мебели из шереметевского собрания до сих пор не становились объектами специального искусствоведческого исследования, однако рассматривались в контексте проблем реставрации.

Так, кабинет из усадьбы Кусково фигурирует в статье под названием «Сравнительное технологическое исследование восточноазиатской мебели и ее европейских имитаций XVII–XVIII вв. в стиле *chinoiserie*», опубликованной в фундаментальном издании Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И.Э. Грабаря (Москва) в 2000 году [Восточноазиатские лаки, 2000, с. 93–108]. Авторы работы, сосредоточенные в первую очередь на технологических особенностях лакового декора, констатировали дальневосточное происхождение кабинета, однако же не конкретизировали регион. Богатый инструментарий в распоряжении современного исследователя позволяет восполнить эту лакуну и уточнить атрибуцию, используя метод стилистического анализа.

На примере кусковского кабинета (ГМЗ «Останкино и Кусково» (структурное подразделение «Усадьба Кусково»), инв. М-373) отчетливо просматриваются основные художественные особенности японской экспортной мебели в «живописном стиле», господствовавшем с 1640-х по 1690-е годы. Он решен в виде прямоугольного шкафчика с двумя створками, за которыми скрывается десять небольших ящичков в пять рядов. Распашные дверцы, углы и замки украшены золочеными фигурными накладками с чеканным растительным орнаментом. Сюжет декоративных росписей, выполненных золотом по черному лаку *уруши*⁽³⁾, отражает традиционную для японской национальной культуры мифопоэтическую модель мира и обожествление природных объектов [подробнее см.: Николаева, 1989]. В этом контексте законы природы воспринимались человеком как свои собственные: он «рождается, живет и умирает так же, как распускаются весной цветы, зеленеют, а затем желтеют и опадают листья деревьев. В самоощущении человека не может быть одиночества как противостояния миру и отъединенности от него, а сама конечность человеческой жизни накладывается на бесконечность жизни природы, постоянство ее возрождения» [Николаева, 1989, с. 157–158].

Фасад кабинета украшен горным пейзажем с уединенными пагодами на берегу бурного моря, олицетворяющим собой образ порядка мироздания. На боковых сторонах представлены два противоположных

(3) Подробнее об изготовлении лака уруши см.: [Варфоломеев, 2014, с. 179].

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.
На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

Ил. 1. Кабинет. Япония, 1640–1690.
ГМЗ «Останкино и Кусково», Москва

Fig. 1. Cabinet. Japan, 1640–1690.
Ostankino and Kuskovo State Museum
and Heritage Site, Moscow

друг другу начала, ассоциирующиеся с идеей упорядоченности мира: слева изображены тонкие побеги цветущего колокольчика и порхающие бабочки, тогда как справа — крепкие и массивные стебли бамбука. Верхняя крышка, внутренние поверхности створок и выдвигаемые ящички кабинета декорированы росписями в классическом жанре «цветы и птицы» (в японской живописи и декоре лаковых изделий прослеживаются единые принципы формообразования, что во многом объясняет их взаимовлияние). Так, растительные формы в отделке кабинета трактованы в виде «осенних трав», цветущей сливы и китайского колокольчика, тростника и бамбука. В то же время благодаря изображениям парящих фениксов, лебедей, гусей и бабочек возникает ощущение условной воздушной среды. Можно предположить, что идейно-образная система в данном случае восходит к концепции «картины четырех сезонов», получившей широкое

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.
На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

Ил. 2. Фрагмент росписи на дверце кабинета. Япония, 1640–1690. ГМЗ «Останкино и Кусково», Москва

Fig. 2. Fragment of the painting on the cabinet door. Japan, 1640–1690. Ostanokino and Kuskovo State Museum and Heritage Site, Moscow

распространение в японской живописи интересующего нас периода [подробнее см.: Имреу, 2005].

Росписи кабинета отличаются непревзойденным качеством исполнения в технике *маки-э* (букв.— «посыпанная картина»), изобретенной в период Хэйан (794–1185) и являющейся отличительной чертой японского национального искусства. Суть ее заключается в распылении по лаковой поверхности металлического порошка, различные виды которого позволяли создавать изысканные тональные переходы. В первую очередь на незастывший лак наносился контурный рисунок, который затем покрывался тонким слоем золотого порошка⁽⁴⁾ с помощью мягкой кисти или бамбуковой трубочки. В завершение на полученное изображение вновь накладывался дополнительный слой лака, полировавшийся после окончательного застывания. Маки-э

(4) Для техники маки-э в декоре японских экспортных изделий в «живописном стиле» наиболее характерно использование золотого порошка, однако в некоторых случаях мог применяться и серебряный.

имеет две основных разновидности, каждая из которых встречается в отделке кабинета из собрания усадьбы Кусково — *хирамаки-э* и *такамаки-э*. Остановимся на них подробнее.

Техника под названием хирамаки-э («плоская маки-э») предполагала наличие невысокого, малозаметного рельефа в рисунке. Как уже отмечалось выше, на лаковую поверхность с предварительно намеченным «эскизом» наносился золотой порошок, затем вновь покрывавшийся прозрачным лаком, полировавшимся до блеска. Этим способом плоской росписи, в частности, декорированы боковые стенки кабинета, верхняя крышка, внутренние поверхности дверок и выдвижные ящики. Более трудоемкой и сложной в исполнении являлась техника росписи с высоким рельефом — *такамаки-э* («поднятая маки-э»), отличающаяся многослойным наложением лака и металлической пудры. В этой технике украшена главным образом фасадная часть кабинета, на которой представлены искусно выполненные рельефные росписи. Декоративный эффект формируется здесь за счет тонкой игры светотени, усиливающей реалистичность композиции⁽⁵⁾.

При детальном натурном изучении внутренней отделки ящичков и сохранившегося лака под фурнитурой удалось заметить, что наряду с маки-э в отделке кабинета применена и другая распространенная в Японии техника декора лаковых изделий — *насидзи* (букв.— «кожица груши»), сводившаяся к распылению мельчайших фрагментов золотой фольги по полупросохшему лаку, нанесению закрепляющего слоя прозрачного лака и полировке. В результате поверхность приобретала характерный мерцающий блеск, визуально напоминающий красновато-бурый минерал авантюрин. В этой манере, в частности, были выполнены своеобразные обрамления росписей на внешней стороне и боковых стенках кабинета, ныне обветшавшие и нуждающиеся в реставрации.

Особого внимания заслуживает и западноевропейское подстолье конца XVII века (ГМЗ «Останкино и Кусково» (структурное подразделение «Усадьба Кусково»), инв. М-374), на котором установлен

(5) Лаковые изделия, декорированные рельефными росписями в технике такамаки-э, ценились голландскими купцами особенно высоко по причине своей исключительной уникальности.

Ил. 3. Фрагмент росписи на внутренних ящиках кабинета. Япония, 1640–1690. ГМЗ «Останкино и Кусково», Москва

Fig. 3. Fragment of the painting on the inner drawers of the cabinet. Japan, 1640–1690. Ostankino and Kuskovo State Museum and Heritage Site, Moscow

кабинет. Оно отличается обилием резного золоченого декора, представляющего собой примитивные орнаментальные и растительные мотивы в барочной традиции. Примечательны четыре маскарона путти в местах соединения прихотливо изогнутых ножек-кабриолой с царгой, по манере исполнения напоминающие работы британских мебельщиков этого периода. Именно на подстолях такого типа, как правило, размещались новомодные лаковые кабинеты в знатных домах Западной Европы последней четверти XVII века [Riccardi-Cubitt, 1992, p. 68–69, 91]. Общий художественный строй столь богато декорированных предметов гармонично контрастировал с тонкими золочеными росписями по черному лаку, а вместе с тем подчеркивал исключительную ценность экспортных изделий.

Аналогичные кабинеты в «живописном стиле», чрезвычайно востребованные среди европейских заказчиков во второй половине XVII столетия, неоднократно упоминаются в фундаментальной монографии известного британского ученого О. Импея (O.R. Impey) «Японский экспортный лак» [Impey, 2005, p. 129–135]. Сегодня их можно

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века. На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

Ил. 4. Кабинет. Япония, 1675–1700. Лувр, Париж

Fig. 4. Cabinet. Japan, 1675–1700. Louvre, Paris

увидеть в крупнейших музейных собраниях мира — Музее Виктории и Альберта в Лондоне, Эшмолеанском музее искусства и археологии в Оксфорде, Музее мебели в Вене и т.д. Образцы японских экспортных кабинетов, объединенные едиными технологическими и стилистическими признаками, хранятся и в российских музеях — загородных дворцах в Петергофе⁽⁶⁾, Павловске⁽⁷⁾, Царском Селе⁽⁸⁾, — за редким исключением все они происходят из императорских коллекций.

Справедливости ради подчеркнем, что до настоящего времени в России сохранились лишь единичные образцы ранней японской

(6) ГМЗ «Петергоф», инв. ОДМП 607-мб, ОДМП 608-мб, ОДМП 609-мб, ОДМП 615-мб, ОДМП 616-мб, ОДМП 617-мб, ОДМП 618-мб.

(7) ГМЗ «Павловск», инв. ЦХ-373-Х.

(8) ГМЗ «Царское Село», инв. ЕД-191-V, ЕД-192-V.

Ил. 5. Кабинет. Япония, 1640–1690. Эшмолеанский музей искусства и археологии, Оксфорд
Fig. 5. Cabinet. Japan, 1640–1690. Ashmolean Museum, Oxford

экспортной мебели, что делает кабинет из собрания усадьбы Кусково еще более уникальным. Интересен тот факт, что рассматриваемый нами лаковый кабинет был изготовлен не в единственном экземпляре — парный ему образец представлен в собрании усадьбы Останкино (ГМЗ «Останкино и Кусково» (структурное подразделение «Усадьба Останкино»), инв. М-495), также принадлежавшей графам Шереметевым вплоть до национализации 1917 года. Отделка распашных створок кабинетов практически полностью идентична, как и предназначавшиеся для них подстоля (ГМЗ «Останкино и Кусково» (структурное подразделение «Усадьба Останкино»), инв. М-30).

Доподлинно неизвестно, каким именно образом были приобретены парные кабинеты, однако имеющаяся датировка позволяет связать их с заграничными закупками фельдмаршала Б.П. Шереметева (1652–1719). Этот знаменитый петровский сподвижник, по мнению современников, был исключительно «великолепен в своей обстановке и в образе жизни» [Whitworth, 1758, p. 72–73]. Историки отмечают,

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.
 На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

Ил. 6. Кабинет. Япония, 1640–1690. Британская королевская коллекция, Лондон
Fig. 6. Cabinet. Japan, 1640–1690. The Royal Collection, London

что он «привез из путешествия по Европе несколько тонн дорогих вещей, состоявших из подарков и покупок... <...> Часть раритетов европейского искусства осела в шереметевском дворце на Фонтанке, часть украсила его загородные усадьбы. <...> Если в жилищах бояр в XVII столетии произведения отечественных ремесленников обычно находились рядом с европейскими диковинками, в основном польского производства, то в палатах Б.П. Шереметева иноземная обстановка занимала все комнаты. В описи 1714 г. упоминаются только вещи “латинского” происхождения: орган, картины, зеркала, кресла, столы, стулья и т.п., как правило, немецкой или английской работы. По свидетельству второй жены Бориса Шереметева Анны Петровны, вся эта роскошь была приобретена во время заграничных походов мужа в Польшу и Германию, “вещи все хорошие”, “которых здесь в Москве отнюдь невозможно сыскать” [Ольшевская, Травников, 2013, с. 317–318]. Предположение о покупке экспортных кабинетов в ходе заграничного путешествия кажется тем более правдоподобным, что

именно в Петровскую эпоху активно формируются основные художественные идеалы и принципы убранства в домах именитых особ. В сущности, появление европейской мебели в русских интерьерах стало одной из составляющих культурной политики этого периода.

Рассматривая историю бытования кабинетов, можно выдвинуть и альтернативную версию их появления в шереметевской коллекции. Не исключено, что они находились в составе приданого княжны В.А. Черкасской (1711–1767): сочетание браком с графом П.Б. Шереметевым (1713–1788), старшим сыном выдающегося фельдмаршала, объединило два старинных дворянских рода в 1743 году. Будучи единственной дочерью и наследницей знаменитого канцлера, Варвара Алексеевна почиталась самой богатой и завидной невестой Российской империи. В так называемой сговорной грамоте с перечислением ее солидного приданого среди прочего упоминается огромное количество лаковой мебели, в частности «два комода лаковые китайские на золоченых ножках» [Отголки, 1897, с. 25]. Наряду с ними в документе фигурируют всевозможные ларцы в количестве девяти штук, в том числе «ларец лаковый китайский с фантажами и с агажантами», «с палатнидами», «с сученым шелком» и др., а также «стол лаковый китайский нарезан разными камнями» [Отголки, 1897, с. 26–28].

Вероятно, эти вещи приобретались по инициативе отца невесты, увлеченного коллекционера князя А.М. Черкасского (1680–1742). В период с 1719 по 1724 год он занимал пост сибирского губернатора, в обязанности которого входил в том числе контроль торговли с Китаем [Меньшикова, 2022, с. 46]. В 1730-е годы художественным агентом князя выступал известный архитектор и знаток искусств Ю.И. Кологривов (1680 или 1685–1754) [Фарфор, 1990, с. 3] (в свое время покупавший за границей произведения скульптуры и живописи по поручению Петра I). Известно, что при его посредничестве для Черкасского была сформирована весьма внушительная коллекция дальневосточного фарфора: как отмечает Н.В. Сиповская, он «дежурил в самой Кяхте, скупая там по заказу князя китайский фарфор» [Сиповская, 2008, с. 33]. Наиболее вероятно, что именно Кологривовым могли осуществляться и закупки восточноазиатских лаков: благодаря долгому пребыванию в Европе ему были прекрасно знакомы экспортные изделия японских мастеров, отличавшиеся высочайшим уровнем исполнения.

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.
На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

Лаковая мебель как элемент предметно-пространственной среды интерьера XVIII века

В конечном итоге китайские и японские редкости оказались в составе богатого собрания произведений искусства графа П.Б. Шереметева. Первые упоминания о лаковой мебели, позволяющие выявить ее роль в предметно-пространственной среде интерьера, встречаются в архивной описи петербургской кунсткамеры в Фонтанном доме графов Шереметевых от 1764 года. По справедливому замечанию И.К. Ефремовой, «предметы китайского и отчасти японского искусства составляли примерно половину от всего количества экспонатов... <...> В отличие от остальных разделов кунсткамеры, где было собрано всего понемногу, дальневосточный представлял собой полноценную коллекцию» [Ефремова, 2024, с. 61]. Особое место в этнографическом разделе занимали кабинеты с росписью золотом по черному лаку, коих в общей сложности насчитывалось семнадцать штук [Опись Куншкаморы, 1764, л. 31–39].

Описания этих вещей свидетельствуют о том, что современники все же выделяли определенные различия между дальневосточными лаками. В ряде случаев составитель документа, явно глубоко осведомленный о тонкостях декоративного искусства, специально отмечает художественные достоинства и качество лака предметов японской экспортной мебели. Особенно интересны «шкатула китайская», отделанная черным лаком «с золотом самой японской хорошей (sic!), низ и внутри а ла вантюрин», и «столик маленький китайский лаковый на 4-х ножках, а внизу выдвигной ящичек, самого хорошего лаку японского [курсив наш. — А.К.], верх по черному лаку золото высокой работы а ла вантюрин» [Опись Куншкаморы, 1764, л. 35]. В связи с этим нельзя не вспомнить строки из дневника (1721–1725) камер-юнкера Ф.В. Берхгольца (1699–1765): «Капитан Измайлов повел нас в большую залу, где расставил все привезенные им из Китая подарки и редкости. Там, между прочим, было множество китайских и японских лакированных вещей, из которых последние гораздо лучше первых» [цит. по: Калязина, Дорофеева, Михайлов, 1986, с. 164].

Размещение японских лаков в пространстве шереметевского кабинета редкостей говорит о том, что эти предметы демонстрировались

как своеобразные кунштюки. Знаменательно, что в сознании современников восприятие стилистически устаревших лаковых изделий Петровской эпохи практически не претерпевает изменений даже на переходном этапе от рококо к классицизму в 1760-е годы. Объяснение столь удивительному постоянству эстетических предпочтений угадывается в записках японского ученого Х. Кацурагавы (1751–1809), отметившего: «Лаком в России не умеют пользоваться искусно, и поэтому там очень ценится наш [японский. — А.К.] лак. Такие лаковые изделия, как насидзи и маки-э, ценятся так же высоко, как жемчуг или драгоценные камни. Один любитель редкостей, генерал-поручик Строганов, показал Кодаю поднос из черного лака, утверждая, что поднос сделан в Японии, и попросил оценить его. Он говорил, что приобрел его за большую цену у одного голландца, и так берег и лелеял его, как будто это была величайшая драгоценность» [цит. по: Икута, 2005, с. 119].

В 1769 году граф П.Б. Шереметев переезжает на постоянное жительство из Петербурга в Москву, забрав из столичной резиденции и дорогие сердцу раритеты. Большая часть дальневосточной коллекции оказалась в Китайском доме на Никольской улице и в подмосковной усадьбе Кусково, где были обустроены две крупные кунсткамеры — пометки в архивной описи гласят, что китайские и японские изделия стали важными составляющими их убранства. Наряду с этим многие восточные кунштюки вошли в ансамбль интерьеров парковых павильонов в Кускове. В контексте настоящего исследования среди них особенно интересен так называемый Пагоденбург, возведенный на территории регулярного сада по проекту Ф.С. Аргунова в 1762 году [Дедюхина, 1982, с. 66]. Архитектурное решение этого камерного строения, трехчастного в плане, было исполнено в рокайльной стилистике с элементами шинуазри: об увлечении восточными мотивами свидетельствуют скульптурные завершения боковых фронтонов в виде фигур китайцев, а также причудливые драконы с зонтиками-парасолями на парасетах⁽⁹⁾.

(9) Внешний облик Пагоденбурга, ныне утраченного, запечатлен на архитектурном пейзаже 1770-х годов из коллекции живописи ГМЗ «Останкино и Кусково» (инв. Ж-316).

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.
На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

В 1760–1770-е годы, ознаменованные очередным всплеском синомонии при российском дворе, в основу предметной среды кусковского Пагоденбурга легла значительная часть восточной коллекции П.Б. Шереметева. Значительный перечень этих редких произведений сохранился в усадебной описи 1810 года, составленной уже после разрушения самого павильона. Об их принадлежности к убранству Пагоденбурга в тексте документа красноречиво свидетельствуют ремарки «из бывшей китайской беседки». Именно среди этих вещей, оказавшихся в кладовых на антресольном этаже Большого дома в начале XIX столетия, под № 277 и № 282 соответственно упоминаются интересующие парные кабинеты: «камода китайская расписана по черному полю золотомъ у дверецъ петли; с боковъ 2 скобки и замокъ медный без ключа; с десятию внутри выдвигающимися ящиками поставлена на резномъ золоченомъ подстолье» и «камода по черному полю расписано золотом деревца — петли с боковъ две скобки медные на подстолье резномъ золоченомъ внутри камоды десять ящиков выдвигающихся с медными скобками» [Опись селу Кускову, 1810, л. 196 об.— 197]. Примечательно, что составители описи — как это зачастую и бывало — не делают различия между японской и китайской работой, приписывая все лаковые изделия мастерам Поднебесной.

По всей видимости, кабинеты являлись своеобразной доминантной в интерьере Пагоденбурга — неслучайно именно они открывают список произведений «из китайской беседки». Важно отметить, что в семиотической структуре европейских студиоло и кунсткамер, обустройстваемых в соответствии с четкой программой, эта разновидность корпусной мебели издавна играла особую роль: несмотря на свое практическое назначение, кабинеты зачастую являлись самостоятельными произведениями искусства и объектами репрезентации. Идея о многообразии окружающего мира выражалась посредством декоративной отделки из драгоценных камней или редких минералов, вышивок и росписей на излюбленных сюжетах из «Метаморфоз» Овидия и др. [Riccardi-Cubitt, 1992, р. 50–51]. В случае с лаковыми кабинетами речь идет о феномене становления культурного плюрализма и, как следствие, о неподдельном интересе к далекому и загадочному Востоку. В пользу интереса современников к этнографической теме свидетельствует,

к примеру, размещение на одном из кабинетов китайских «кукол» в национальных одеждах⁽¹⁰⁾.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что лаковые изделия японской работы оставались актуальными на протяжении всего XVIII столетия. Однако же если европейские мастера в период господства рококо и неоклассицизма зачастую декорировали старинными японскими лаковыми панно мебель в современном вкусе⁽¹¹⁾, то среди отечественных мебельщиков подобной практики не существовало. В России, даже несмотря на переменчивые веяния моды и смену художественных стилей, аутентичные лаки продолжали восприниматься как ценные раритеты. Именно лаковые изделия — поначалу занимавшие почетное место в структуре дворянских кунсткамер, а затем послужившие важными элементами внутреннего убранства парковых павильонов — ставились владельцами в один ряд со всевозможными «кунштюками». С художественной точки зрения современниками высоко ценилось филигранное качество исполнения японских лаковых изделий. Все это позволяет трактовать мебель, до сих пор считающуюся в известной степени утилитарной, как объект коллекционирования. Дальнейшая разработка этого вопроса — удел будущих исследований в области истории русского интерьера, перспективных с точки зрения новых научных открытий.

(10) В документе приводится подробное описание этой композиции: «На той камоде футляр составленной изъ пяти стеколъ в нем маскерадъ 5 куколъ китайских в разных уборах и позади ихъ деревцо» [Опись селу Кускову, 1810, л. 196 об.].

(11) Например, ведущие придворные мебельщики Франции — Ж.-А. Ризенер, А. Вейсвалер, К.-Ш. Сонье и др. — в буквальном смысле слова вырезали из стилистически устаревших японских кабинетов и ширм прошлого века отдельные фрагменты лаковых поверхностей и вставляли в новые изделия, соответствовавшие господствующей моде. Подобное декоративное решение давало японским лакам, гармонично встроенным в композиционный строй рокайльных и классицистических вещей, право на «новую жизнь».

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.
На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

Источники:

- 1 Материалы домовой конторы князей Куракиных: 1764–1769 // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 3. Оп. «Н». Д. 981. 378 л.
- 2 Опись Куншаморы: 1764 // Российский государственный исторический архив. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1295. 68 л.
- 3 Опись селу Кускову: 1810 // Государственный дворцово-парковый музей-заповедник «Останкино и Кусково». Инв. РД-153. 690 л.

Список литературы:

- 4 Арапова Т.Б. Китайские экспортные изделия для Европы в первой половине XVIII века // Воображаемый Восток: Китай «по-русски», XVIII — начало XX века / Сост. О.А. Соснина. М.: Кучково поле, 2016. С. 48–65.
- 5 Бровко Е.М. Историческая мебель Китая и Японии и ее реминисценции в европейском мебельном искусстве XVIII — начала XX века: проблемы стиля: Дис. ... канд. искусствоведения: 5.10.3 / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб., 2023. 343 с.
- 6 Варфоломеев А.И. Восточноазиатские лаки и проблемы реставрации лаковых изделий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2014. № 2. С. 178–188.
- 7 Восточноазиатские лаки. Методика реставрации, исследования: Сборник статей / Сост. В.Г. Симонов; под ред. М.В. Капустиной, В.Г. Симонова М.: Изд-во ВХНПЦ, 2000. 136 с.
- 8 Дашкевич В.Т. Экспортные лаки Японии в Эрмитаже // Сообщения Государственного Эрмитажа. XXXIV. Л.: Аврора, 1972. С. 33–37.
- 9 Дедюхина В.С. Кусково как историко-культурный комплекс XVIII в.: Дис. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 1982. 204 с.
- 10 Демиденко Ю.Б. Интерьер в России: Традиции. Мода. Стиль. СПб.: Аврора, 2000. 255 с.
- 11 Ефремова И.К. Шереметевская кунсткамера по материалам описи 1764 года. Опыт реконструкции // Подлинник. Вопросы атрибуции и реставрации. 2024. № 4. С. 51–63. <https://doi.org/10.28995/3034-3224-2024-4-51-63>.
- 12 Икута М. Образ Японии в России в период Эдо (XVI–XIX вв.) // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2005. № 9. С. 107–127.
- 13 Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В. Дворец Меншикова: Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М.: Советский художник, 1986. 218 с.
- 14 Коллекция мебели XVIII века в собрании Государственного музея-заповедника «Ораниенбаум»: Каталог / Сост. Е.И. Кочерова. СПб.: Историческая иллюстрация, 2007. 48 с.

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.
На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

- 15 Летопись Кунсткамеры: 1714–1836 / Авт.-сост. М.Ф. Хартанович, М.В. Хартанович. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 739 с.
- 16 *Меньшикова М.Л.* Диковинный и дорогой Китай. Знания о Востоке: К выставке в Государственном Эрмитаже, 19 апреля – 12 июня 2022 года. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2022. 87 с.
- 17 Мир русского дворянства. Юсуповы и Восток: Каталог выставки / Науч. ред. М.Л. Меньшикова. СПб.: Славия, 2022. 119 с.
- 18 *Николаева Н.С.* Декоративные росписи Японии 16–18 веков: От Кано Эйтоку до Огата Корина. М.: Изобразительное искусство, 1989. 229 с.
- 19 *Николаева Н.С.* Япония – Европа. Диалог в искусстве. Середина XVI – начало XX в. М.: Изобразительное искусство, 1996. 397 с.
- 20 *Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* «Шереметев – украшение России...» // *Шереметев Б.П.* Путешествие по Европе боярина Б.П. Шереметева, 1697–1699. М.: Наука, 2013. С. 225–336.
- 21 Отголоски XVIII века: [Материалы к истории рода Шереметевых]. Вып. V: Сговорная грамота княжны Черкасской. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1897. 84 с.
- 22 *Рудь П.В.* Китайские редкости в Кунсткамере Петра Великого // *Воображаемый Восток: Китай «по-русски».* XVIII – начало XX века / Авт.-сост. О.А. Соснина. М.: Кучково поле, 2016. С. 24–36.
- 23 *Саверкина И.В.* Изделия в китайском вкусе в интерьерах петровского времени (на примере дворцов А.Д. Меншикова) // *Русская культура первой четверти XVIII века.* Дворец Меншикова: Сборник научных трудов. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1992. С. 79–87.
- 24 *Сиповская Н.В.* Фарфор в России XVIII века. М.: Пинакотека, 2008. 389 с.
- 25 *Тихонов Ю.А.* Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М.: Кучково поле, 2008. 349 с.
- 26 Фарфор в русской усадьбе XVIII века: Каталог выставки: Из собрания Останкинского дворца-музея / Авт.-сост. А.Ф. Червяков, авт. вступ. ст. И.К. Ефремова. М.: ВРИБ «Союзрекламкультура», 1990. 30 с.
- 27 *Швидковский Д.О.* Архитектура русского классицизма в эпоху Екатерины Великой. М.: Архитектура-С, 2016. 256 с.
- 28 *Швидковский Д.О.* История архитектуры стран Европы эпохи Просвещения. М.: Архитектура-С, 2021. 439 с.
- 29 *Шклярчук А.Ф.* Декоративно-прикладное искусство // *Очерки русской культуры XVIII века.* Ч. 4 / Под ред. академика Б.А. Рыбакова. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 180–219.
- 30 *Impey O.R.* Japanese Export Lacquer: 1580–1850 / O. Impey, C. Jörg. Amsterdam: Hotei, 2005. 384 p.
- 31 *Riccardi-Cubitt M.* The Art of the Cabinet: Including a Chronological Guide to Styles. New York: Thames & Hudson, 1992. 224 p.
- 32 *Stalker J., Parker G.* A Treatise of Japaning and Varnishing. Oxford, 1688. 84 p.
- 33 *Whitworth Ch.* An Account of Russia, as It Was in the Year 1710. Strawberry-Hill, 1758. 158 p.

Sources:

- 1 Materialy domovoi kontory knyazei Kurakinykh: 1764–1769 [Materials of the Household Office of the Princes Kurakins]. *Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudartvennogo istoricheskogo muzeya* [Manuscripts Department of the State Historical Museum], f. 3, inv. "N", storage unit 981, 378 l. (In Russian)
- 2 Opis' Kunshkamory: 1764 [The Inventory of the Kunstkamera: 1764]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive], f. 1088, inv. 3, storage unit 1295, 68 l. (In Russian)
- 3 Opis' selu Kuskovu: 1810 [Inventory of the Kuskovo Village: 1810]. *Gosudarstvennyi dvortsovo-parkovyi muzei-zapovednik "Ostankino i Kuskovo"* [Ostankino and Kuskovo State Museum and Heritage Site], inv. RD-153, 690 l. (In Russian)

References:

- 4 Arapova T.B. Kitaiskie ehksportnye izdeliya dlya Evropy v pervoi polovine XVIII veka [Chinese Export Products for Europe in the First Half of the 18th Century]. *Voobrazaemyi Vostok: Kitai "po-russki", XVIII – nachalo XX veka* [The Imaginary East: China "in Russian", 18th – Early 20th Century], comp. O.A. Sosnina. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, pp. 48–65. (In Russian)
- 5 Brovko E.M. *Istoricheskaya mebel' Kitaya i Yaponii i ee reminitsentsii v evropeiskom mebel'nom iskusstve XVIII – nachala XX veka: problemy stilya* [Historical Furniture of China and Japan and Its Reminiscences in European Furniture of the 18th – Early 20th Century: Problems of Style], Dis. ... Candidate of Arts, 5.10.3, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. St. Petersburg, 2023. 343 p. (In Russian)
- 6 Varfolomeev A.I. Vostochnoaziatskie laki i problemy restavratsii lakovykh izdelii [East Asian Lacquers and Problems of Restoration of Lacquer Products]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie*, 2014, no. 2, pp 178–188. (In Russian)
- 7 *Vostochnoaziatskie laki. Metodika restavratsii, issledovaniya: Sbornik statei* [East Asian Lacquers. Methods of Restoration, Research: Collection of Articles], comp. V.G. Simonov, eds. M.V. Kapustina, V.G. Simonov. Moscow, izd-vo VHNRTS Publ., 2000. 136 p. (In Russian)
- 8 Dashkevich V.T. Ehksportnye laki Yaponii v Ermitazhe [Export Lacquers of Japan in the Hermitage]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ehrmitazha*, vol. XXXIV. Leningrad, Avrora Publ., 1972, pp. 33–37. (In Russian)
- 9 Dedyukhina V.S. *Kuskovo kak istoriko-kulturnyi kompleks XVIII veka* [Kuskovo as a Historical and Cultural Complex of the 18th Century], Dis. ... Candidate of History, M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 1982. 204 p. (In Russian)
- 10 Demidenko Yu.B. *Inter'er v Rossii: Traditsii. Moda. Stil'* [Interior Design in Russia: Traditions, Fashion, Style]. St. Petersburg, Avrora Publ., 2000. 255 p. (In Russian)

Японская экспортная мебель в ансамбле русского интерьера XVIII века.

На примере кабинетов из коллекции графов Шереметевых

- 11 Efremova I.K. Sheremetevskaya kunstkamera po materialam opisi 1764 goda. Opyt rekonstruktsii [Sheremetev Kunstkamera Based on the Materials of the Inventory of 1764. Reconstruction Experience]. *Podlinnik. Voprosy atributsii i restavratsii*, 2024, no. 4, pp. 51–63. <https://doi.org/10.28995/3034-3224-2024-4-51-63>. (In Russian)
- 12 Ikuta M. Obraz Yaponii v Rossii v period Edo (XVI–XIX vv.) [The Image of Japan in Russia during the Edo Period in the 16th–19th Centuries]. *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, no. 9, pp. 107–127. (In Russian)
- 13 Kalyazina N.V., Dorofeeva L.P., Mikhailov G.V. *Dvorets Menshikova: Khudozhestvennaya kul'tura ehpokhi. Istoriya i lyudi. Arkhitekturnaya khronika pamyatnika* [Menshikov Palace: The Artistic Culture of the Epoch. History and People. Architectural Chronicle of the Monument]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1986. 218 p. (In Russian)
- 14 *Kollektsiya mebeli XVIII veka v sobranii Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika "Oranienbaum": Katalog* [Collection of Furniture of the 18th Century in the State Museum-Reserve "Oranienbaum": Catalog], comp. E.I. Kocherova. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya Publ., 2007. 48 p. (In Russian)
- 15 *Letopis' Kunstkamery: 1714–1836* [Annals of the Kunstkamera: 1714–1836], comp. M.F. Khartanovich, M.V. Khartanovich. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2014. 739 p. (In Russian)
- 16 Menshikova M.L. *Dikovinniy i dorogoi Kitai. Znaniya o Vostoke: K vystavke v Gosudarstvennom Ehrmitazhe, 19 aprelya – 12 iyunya 2022 goda* [Exotic and Lavish China. Knowledge of the Orient: For the Exhibition at the State Hermitage Museum, April 19 – June 12, 2022]. St. Petersburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2022. 87 p. (In Russian)
- 17 *Mir russkogo dvoryanstva. Yusupovy i Vostok: Katalog vystavki* [The World of the Russian Nobility. The Yusupovs and the Orient: Exhibition Catalog], ed. M.L. Menshikova. St. Petersburg, Slaviya Publ., 2022. 119 p. (In Russian)
- 18 Nikolaeva N.S. *Dekorativnyye raspisi Yaponii 16–18 vekov: Ot Kano Eitoku do Ogata Korina* [Decorative Paintings of Japan in the 16th – 18th Centuries: From Kano Eitoku to Ogata Korina]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1989. 229 p. (In Russian)
- 19 Nikolaeva N.S. *Yaponiya – Evropa. Dialog v iskusstve. Seredina XVI – nachalo XX v.* [Japan – Europe. Dialogue in Art. The Middle of the 16th – Beginning of the 20th Century]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1996. 397 p. (In Russian)
- 20 Olshevskaya L.A., Travnikov S.N. "Sheremetev – ukrashenie Rossii..." ["Sheremetev Is the Ornament of Russia..."]. Sheremetev B.P. *Puteshestvie po Evrope boyarina B.P. Sheremeteva, 1697–1699* [Boyarin B.P. Sheremetev's Journey through Europe, 1697–1699]. Moscow, Nauka Publ., 2013, pp. 225–336. (In Russian)
- 21 *Otgosolki XVIII veka: Materialy k istorii roda Sheremetevykh* [Echoes of the 18th Century: Materials for the History of the Sheremetev Family]. Issue V: Sgovornaya gramota knyazhny Cherkaskoi [The Letter of Agreement of Princess Cherkasskaya]. Moscow, Tipo-lit. T-va I.N. Kushnerev i K° Publ., 1897. 84 p. (In Russian)
- 22 Rud P.V. Kitaiskie redkosti v Kunstkamere Petra Velikogo [Chinese Rarities in the Kunstkamera of Peter the Great]. *Vobrazhaemyi Vostok: Kitai "po-russki". XVIII – nachalo XX veka* [The Imaginary East: China "In Russian". 18th – Early 20th Century], comp. O.A. Sosnina. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, pp. 24–36. (In Russian)
- 23 Saverkina I.V. *Izdeliya v kitaiskom vkuse v inter'erakh petrovskogo vremeni (na primere dvortsov A.D. Menshikova)* [Items in the Chinese Taste in the Interiors of Peter the Great's Time on the Example of Palaces by A.D. Menshikov]. *Russkaya kul'tura pervoi chetverti XVIII veka. Dvorets Menshikova: Sbornik nauchnykh trudov* [Russian Culture of the First Quarter of the 18th Century. Menshikov's Palace: Collection of Scientific Papers]. St. Petersburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1992, pp. 79–87. (In Russian)
- 24 Sipovskaya N.V. *Farfor v Rossii XVIII veka* [Porcelain in Russia of the 18th Century]. Moscow, Pinakoteka Publ., 2008. 389 p. (In Russian)
- 25 Tikhonov Y.A. *Mir veshchei v moskovskikh i peterburgskikh domakh sanovnogo dvoryanstva (po novym istochnikam pervoi poloviny XVIII v.)* [The World of Things in the Moscow and St. Petersburg Houses of the Dignitaries of the Nobility (According to New Sources of the First Half of the 18th Century)]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2008. 349 p. (In Russian)
- 26 *Farfor v russkoi usad'be XVIII veka: Katalog vystavki: Iz sobraniya Ostankinskogo dvortsa-muzeya* [Porcelain in a Russian Estate of the 18th Century: Exhibition Catalog: From the Collection of the Ostankino Palace Museum], comp. A.F. Chervyakov, intr. article I.K. Efremova. Moscow, VRIB "Soyuzreklamkul'tura" Publ., 1990. 30 p. (In Russian)
- 27 Shvidkovsky D.O. *Arkhitektura russkogo klassitsizma v ehpokhu Ekateriny Velikoi* [Architecture of Russian Classicism in the Era of Catherine the Great]. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2016. 256 p. (In Russian)
- 28 Shvidkovsky D.O. *Istoriya arkhitektury stran Evropy ehpokhi Prosveshcheniya* [The History of Architecture of the European Countries of the Enlightenment]. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2021. 439 p. (In Russian)
- 29 Shklyaruk A.F. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo* [Decorative and Applied Arts]. *Ocherki russkoi kul'tury XVIII veka* [Essays on Russian Culture of the 18th Century]. Part 4, ed. B.A. Rybakov. Moscow, Izd-vo ORU Publ., 1990, pp. 180–219. (In Russian)
- 30 Impey O.R. *Japanese Export Lacquer: 1580–1850*, O. Impey, C. Jörg. Amsterdam, Hotei, 2005. 384 p.
- 31 Riccardi-Cubitt M. *The Art of the Cabinet: Including a Chronological Guide to Styles*. New York, Thames & Hudson, 1992. 224 p.
- 32 Stalker J., Parker G. *A Treatise of Japaning and Varnishing*. Oxford, 1688. 84 p.
- 33 Whitworth Ch. *An Account of Russia, as It Was in the Year 1710*. Strawberry-Hill, 1758. 158 p.